

Я. М. БОРОВСКИЙ КАК РЕДАКТОР И ПОЭТ*

Библиография трудов Якова Марковича — составленная весьма тщательно, хотя и далеко еще не полная,¹ — показывает, что редактирование занимает значительное место в его деятельности.² Прежде всего, естественно упомянуть два важных справочных издания, которые были затеяны и составлены другими лицами, но во всем том, что касается античной и новолатинской традиции, получившие филологическую отделку самого Я. М. Я имею в виду, конечно, «Русско-латинский словарь для ботаников» (Л., 1977), за которым признано и международное значение. Шире известен у нас, впрочем, вышедший в прошлом году уже вторым изданием «Словарь крылатых латинских слов».³ Названный труд и вправду чрезвычайно важен для публики осмотрительной точностью своих объяснений: разумеется, надежное знание латинского языка и новолатинской традиции тривиально, когда мы говорим о Я. М., но необыкновенно далеко от тривиальности, если сравнить этот труд не только с грубыми поделками, но с другим, совсем не лишенным притязаний, обширным и удостоенным переиздания собранием иностранных — в особенности латинских — знаменитых выражений и славных, иногда неоднократно переосмысленных цитат.⁴ Иначе говоря, в обоих случаях мы имеем дело с необходимыми и образцово отредактированными пособиями.

В упомянутой уже библиографии указано участие Я. М. в редактировании и подготовке к изданию комментированного собрания фрагментов Демокрита, которое не успел окончательно обработать С. Я. Лурье, — издание это явилось одним из важнейших приобретений отечественной науки последних десятилетий.⁵ Редактировал Я. М. и ряд переводов античных авторов в серии «Литературные памятники»: это один из томов в двухтомном издании Тацита (Л., 1969), а также «Мифологическая библиотека» Аполлодора (Л., 1972) и Фукидид (Л., 1981). Сейчас им уже проделана основная

* Настоящая публикация в основном воспроизводит речь на торжественном заседании филологического факультета ЛГУ 28 ноября 1986 г. по поводу 90-летия Я. М. Боровского (1896–1994). Примечания, в частности такие, которые учитывают последующие труды и публикации тогдашнего юбиляра, добавлены автором при подготовке настоящего сборника.

часть работы по редактированию готовящихся к изданию в той же серии «Илиады» Гомера,⁶ Эпиктета («Энхиридион»)⁷ и др.⁸

Но как бы ни был внушителен этот перечень, те, кто знакомы с занятиями Я. М., знают, что это далеко не все сделанное им в этой области литературного труда. Что дело обстоит именно так, могу показать применительно к известным мне ближе занятиям Я. М. в 70-е и 80-е годы.⁹ Наверное, многим памятно появление в «Литературных памятниках» тома Ч. Р. Мэтьюрина «Мельмот Скиталец» в переводе Алексея Матвеевича Шадрина с комментарием акад. Михаила Павловича Алексеева.¹⁰ Я. М. понравилось это издание, и он принялся читать его с обычным для него в таких случаях усердием. В итоге набрался список поправок, которые и были настойчиво предложены вниманию обоих ученых толкователей Мэтьюрина. Какова будет судьба этих исправлений теперь, после того, когда не стало обоих участников этой превосходной и тонко отредактированной Я. М. работы, нам неизвестно. В библиографии Я. М. это, соответственно, не отражено, хотя работа сделана и большая, и ценная.

Второй пример связан с моей работой, о чем решаюсь упомянуть, поскольку в этом случае приобрел опыт, существенный и для моего сегодняшнего рассуждения. Дело было вот как. Примерно полтора года тому назад в «Литературных памятниках» вышли «Размышления» Марка Аврелия в моем переводе, с комментариями Яна Унта и под общей редакцией А. И. Доватура (1897–1982). Доватур успел внимательно прочесть перевод, сделал несколько существенных поправок, а в остальном выдвигал множество замечаний или предложений, которые сам рассматривал не как настоятельную рекомендацию, а скорее как материал к размышлению: Аристид Иванович посмеивался над теми редакторами, кто, по слову одного из старинных русских писателей, вместо «отроци» ставят «дети», а вместо «дети» — «отроци». Прочесть всю рукопись так же внимательно, как перевод, ему уже не удалось.

Книга вышла из печати, была поднесена Я. М. и имела не всегда безопасное счастье привлечь к себе внимание. Переменчивость — свойство поэтов, распространяющееся, по-видимому, и на поэтов новолатинских. Сначала едва ли не все в новом переводе казалось Я. М. необыкновенно удачным; через неделю-две нашлось несколько мест, где Я. М. был до известной степени несогласен с толкованием или не одобрял то или иное выражение; потом мест этих стало больше, и у Я. М. начало, видно, складываться представление, что

перевод, с одной стороны, тяжеловат, а с другой, пожалуй, даже и легковесен; когда прошел еще месяц, Я. М. был уже убежден, что целесообразнее было бы издать греческий текст с критическим аппаратом и текстологическими примечаниями, а от русского перевода отказаться вовсе. Разумеется, эта стремительная, хоть и мирная эволюция оценок сопровождалась настойчивой работой — сквозной проработкой издания в целом.

В итоге мы с Яном Унтом получили список замечаний на шести страничках, заполненных с привычной у счастливых натур опрятностью — почти всегда сразу набело. В перечне оказалось около 120 замечаний: предложения, как заменить одно слово другим, указания на сомнительную интерпункцию; отмечены были и два-три случая неточных ссылок на места из авторов, которые, следовательно, тоже прорабатывались. Замечания эти пришлось обдумать, а потом каждое обсудить с Я. М. Так произошло своего рода дополнительное редактирование всей книги. Памятуя о редакционных «детях-отроках», а с другой стороны, узнав ближе редакторскую работу, я с удивлением должен признать, что среди этих замечаний не было, пожалуй, ни одного, которое укладывалось бы в эту формулу, даже если с некоторыми из этих замечаний я не мог согласиться. Приведу виды поправок Я. М., чтобы пояснить дело на примерах.¹¹

При подаче стоических терминов нельзя всякий раз обходиться готовыми словами, тем более в уже усвоенных ими значениях — подходящих значений, а то и слов иногда просто нет, как до стоиков не было их в самом греческом языке, не говоря уже о латинском; желательно, однако, создавать термины, учитывая ту систему, какую они образуют в греческом языке, а вместе заботясь о таком их выражении по-русски, чтобы смысл, по возможности естественно сочетаясь с их специфичным значением, получше приживался в новой среде обитания, хотя бы и после чтения соответствующих разъяснений. И вот вместо «взаимострастия», передающего у нас важнейший стоический термин *συμπάθεια* в космическом смысле, Я. М. выдвинул несколько предложений. К записи V, 26 Марка Аврелия он заметил: «*Взаимострастие* мне представляется неприемлемым. М. б. сохранить “симпатию” в греческом смысле этого слова, пояснив это в примечании и в словаре терминов. Или же: *подобнострастие*». К VII, 66 у Я. М. помечено без комментариев: *подобнострастие*.

Представляя собой законную реакцию на не понравившееся

Я. М. *взаимострастие*, оба эти предложения были, конечно, отмечены нами, но не были приняты, потому что и сами страдают недостатками: *подобнострастие* воспринималось бы как некая тень, а то и порча известного русского слова, восходящего к греческому *ὁμοιοπαθῆαι*. Но вот к записи IX, 9 Я. М., повторив сперва второе из своих предложений, приписал: «или единострастие». Это третье по счету предложение и можно, и необходимо принять. Слово звучит убедительно и передает космический масштаб идеи, превосходно сочетаясь с принятым в том же переводе способом передавать термин *ὀβλινοῖα* как *единодыхание*. Внесение предложения Я. М. в текст существенно улучшило систему передачи стоических терминов.¹²

Отсюда отчетливо видно, что Я. М. читал перевод с греческим текстом, взвешивая, а заодно и выверяя материалы обоих комментариев, имеющихся в этом томе. Встречаются замечания такого рода: «не ясна связь; выпало примечание; защита рукописного чтения не убедительна» и т. д.

Замечания Я. М. отчетливы, авторитетны и всегда любезны: опечатками называется и кое-что такое, что другие — с основанием или без него — именуют предпочтительно ошибками. Я. М. превосходно угадывает замысел переводчика, даже и тогда, когда по тем или иным причинам переводческая затея выражена не вполне совершенно. Как редактируемый переводчик, который тоже до некоторой степени автор, я могу показать на примере, что Я. М. как редактору-филологу нередко удается восстановить ход мысли и самые выражения автора-современника.

Так, мне памятна история одной запятой в издании «Размышлений», где был мною упомянут С. А. Андреевский и его «Книга о смерти», которая, как я старался пояснить, имеет мало общего с *ex-citatio mortis* у Марка Аврелия. Андреевский — так звучала фраза в первом издании — дал «весьма чувственные описания усопших, преимущественно молодых, женщин». Указывая на это место, Я. М. не без лукавства заметил: «А ведь Вы, конечно, не ставили запятой перед последним словом». И действительно, запятая появилась в процессе редактирования — ни по ритму, ни для моего намека она была решительно не нужна, но я сам же уступил настояниям издательского редактора, сославшегося на правила пунктуации. Этот филологический эксперимент с полной убедительностью показывает, что квалифицированное филологическое усилие способно-таки исправить (по тем или иным причинам) отклонившийся от авторской воли текст.¹³

Работа над Мэтьюрином и Марком Аврелием — пример филологического труда Я. М., известного только участникам этих изданий и небольшому кружку друзей. Таким образом, кроме учтенных редакционных работ Я. М. и тех, которые от нас ускользают, есть и такие, которые могут быть учтены в будущем. В этой связи хочется высказать пожелание, чтобы «Мельмот Скиталец» был переиздан под редакцией Я. М. с учетом тех замечаний, которые он обсуждал с обоими участниками этого превосходного издания.

Совершенно исключительная по качеству редакционная работа Я. М. велика по объему охваченных текстов. Сформулированы его замечания исключительно кратко, чему способствует искусное пользование техническим — в основном античным же — языком филологии. Самостоятельное мышление тех, к кому обращены замечания, существенным образом предполагается; более того, при этом подразумевается способность отчетливо понимать смысловые различия; рекомендуемая интерпретация дается обычно *in puse*, — так, как принято было у старинных классиков, которые издавали скорее авторов, чем самих себя.

Иногда, кстати сказать, критики филологического стиля Я. М. думали упрекнуть его тем, что он работает в духе филологии конца XIX в. Это неверно. Для Я. М. XIX в. — это скорее уже модерн, а он, хоть и ценит принципиальные достижения последних двух столетий (например, индоевропеистику), однако существенным образом примыкает к традиции филологов XVIII и даже XVII в., таких как Томас Гатакер, Николай Гейнзий или Ричард Бентли. В наше время чересчур пространных и клонящихся к риторике интерпретаций текста, а то еще и «культуры», нечувствительно переходящих в науку наук и(ли) пустословие, об этой бентлианской альтернативе, продолжающей античную и, как обыкновенно, здравую, традицию, стоило бы вспоминать чаще. Немножко сердитые грамматикопеданты превосходно справлялись с основной (и это — навсегда) филологической задачей — *службой текста*; да, они иной раз порядочно бранились, но их голос не заглушал голоса Музы:

Grammatici certant, tamen altercantibus illis
Voce sonat claro Musa valens veterum.¹⁴

Время от времени замечания Я. М.-редактора касаются исключительно русской языковой нормы. В подготовленном под его редакцией переводе эпиктетова «Энхиридиона» у меня стояло «при-

губи» в смысле «отпей». Я. М. исправил «пригубь». И хотя авторитетный словарь русского языка приводит как возможные обе формы, нельзя не признать, что поправка Я. М. справедлива: в форме «пригуби» угадывается морфологическая контаминация с глаголом «губить».

Вопросы языковой нормы давно занимают Я. М. И здесь опять кроме известных его публикаций следует упомянуть огромную работу, сделанную в связи с переизданием «Словаря русского языка» в четырех томах (издан впервые в 50-е годы). Выйдя за пределы порученной ему проверки пояснений, прилагаемых в этом словаре иностранным словам, Я. М. энергично вступил в область, связанную с семантикой русских слов, предлагая среди прочего и нормативные рекомендации. Вот некоторые из его замечаний: «*Каша*: не с водой, а на воде; *кошка*: “самка кота” выделить как особое значение; *ку-клукс-клан*: скорее не “фашистское”, а *расистское*; *животный магнетизм*: снять, объяснение ошибочное; *метемпсихоз*: “переодушевление”; *мучаться*: пример из Пушкина сюда не относится, соответствующая форма от “мучаться” — “мучась”. И так далее... Таких примечаний более тысячи только к первому тому.

В упомянутой работе виден не только историк языка и знаток европейских языков, но не в последнюю очередь хранитель норм родного языка, которому приходится защищать литературную русскую речь как от оскудения, так и от наводнения ее чужими речениями; как от одичания, так и от нелепого иной раз нормализаторства. Ведь нередко словари различных типов и издания, которые должны были бы оставаться образцом чистой и правильной речи, отражают либо невольную порчу Меркуриева дара, либо, напротив, неудачные попытки навязать живой речи нелепые рекомендации:

Fluunt diurnis menda turpia ex actis,
dant semidocti consuetudini normam
preloque libros exarare qui curat
nil veritatis audet, at studet falsis;
obtusioris ingeni viden' ipsos
qui nunc docemus? Hoc loco sita est nunc res.
prodestne cuiquam suave Mercuri munus?
Mugire praestat sive inane balare.

Эти многообразные знания и навыки не могли появиться вдруг, и у них сложная история. Филологическое воспитание Я. М. на-

чалось в семье. Отец Я. М. — земский врач, получил классическое образование в 80-е годы, когда в гимназиях изучались и латынь, и греческий. Декламация античных стихов отцом запечатлелась в памяти Я. М. еще до гимназии. В семье обращали внимание и на культуру родной речи. Я. М. вспоминает, как ему объяснили, что «пойти *по* воду» — это одно, а пойти «*за* водой» — другое: в народной речи «пошел *за* водой» может означать «утонул». Он охотно рассуждает о том, надо ли плакать *по ком* или *по кому*, внятно объясняет почему «Украина» по-украински, а по-русски — «Украйна», так что неслучайно у Пушкина «тиха украинская ночь» и «над Украиной».

В 6-ой петербургской гимназии, располагавшейся у Чернышева моста рядом со зданием Министерства народного просвещения, латинский язык преподавался старательно. Греческий разрешалось изучать факультативно, и близнецы Яков и Григорий (Марковичи) Боровские оказались, надо признать, единственными, кто воспользовался этой возможностью. Греческому обучил их Федор Андреевич Гарц, который преподавал в гимназии психологию. В седьмом классе факультатив посещали уже только они двое, и это стало известно в учебном округе, так что Ф. Ф. Зелинский и С. А. Жебелев приехали посмотреть на юных эллинистов. Встреча, впрочем, не состоялась, потому что близнецы заболели как раз в этот день и, конечно, оба сразу. К окончанию гимназии они прочли с Гарцем множество классических текстов (например, немало из Фукидида).¹⁵ Первым учителем латыни был для гимназистов Иосиф Иванович Кабеле, — чех, преподававший в 6-ой гимназии от самого ее основания. По воспоминаниям Я. М., это был сильный латинист, сильнее и Г. Г. Зоргенфрея — директора 6-ой гимназии, преподававшего в старших классах. Не примечательно ли, что предпринятые правительством 130 лет тому назад меры (приглашение чешских преподавателей в министерские гимназии) приносят несомненно благие плоды и более чем столетие спустя? Как бы прост и как бы строг ни был Орбилий, есть ли у филологии что-нибудь его лучше?

Tristior ut fuerit, fuerit gravis atque severus,
natum, crede mihi, nil super Orbilium.

В гимназии писали экстемпоралии, занимались латинской стилистикой. В гимназии же написал Я. М. и первый свой элегический дистих — по-гречески о Фаэтоне. Однако только в тридцатые го-

ды, откликаясь на примечательные события культуры или научной жизни, Я. М. стал писать греческие, а чаще латинские стихи, составившие теперь целый поэтический сборник. Нередко переводчиком этих стихов на русский выступал П. Н. Берков, сам посвятивший Я. М. стихотворение (9 ноября 1967 г.), названное «Якову Боровскому, поэту»:

Много бесценных даров ниспослали бессмертные смертным,
Но ничего среди них выше поэзии нет:
Мир озаряет она, услаждает наш слух своенравный,
Силы вливает порой в слабые души людей,
В памяти смертных навек сохраняет деянья героев,
И открывает глаза нам на поступки друзей.
Гласом свирельным она оживляет пастушьи досуги,
Звуком кифарным пиры дружние красит она,
Старцев премудрых слова в наш ум внедряет незримо,
Слезы из наших очей глас вызывает ее...
Богу подобен поэт. Как и бог, он миры созидает,
Словом и тот, и другой образы мира творят.
Прав был Овидий Назон, о годах своих юных сказавший:
«Сколько поэтов я знал, столько считал я богов».
Яков Боровский! И ты по праву стоишь среди поэтов,
Римскую ты воскресил музу среди наших снегов.
В милых, но сильных стихах давно ты друзей прославляешь,
Но, прославляя друзей, славу снискал ты и сам:
«Греция» знает и «Рим», и с ними «Живая Камена»¹⁶
Славное имя твое, Яков Боровский, поэт!
В Англии знают тебя, и в Голландии, в Галлии, Польше, —
Всюду, где римлян язык, вновь возрождаясь, звучит.
Пой же ты долго еще на лире своей златострунной
Сладкие песни свои, радуя сердце друзей...
Римскую музой своей ты не только себя прославляешь, —
Славу приносишь ты, друг, нашей Великой Стране.

Оценка собственных латинских стихов самим Я. М. гораздо, надо сказать, скромнее. По этому поводу он любит цитировать эпиграмму Шиллера о той gebildete Sprache, которая — будто бы — сама dichtet и сама же denkt за того, кто воспитан в той или иной богатой (тем более античной) литературной традиции. Правда, по-видимому, где-то посредине: не преувеличивая ценность новолатинского стихотворства на фоне высших достижений поэзии, следует признать за латинскими стихами такого ранга, как вышедшие из-

под пера Я. М., также и подлинное литературное достоинство, подливающее, кроме образованности, природное расположение к художественному слову. Кроме того, стихи Я. М. показывают и становящийся все более редким дар дружбы — по его стихам можно было бы восстановить историю наиболее примечательных событий и истории кафедры классической филологии с 30-х годов по 80-е.¹⁷

Обширная и разносторонняя деятельность Я. М. как научного и литературного редактора, его пристальное внимание к культуре русской речи, его стилистическая виртуозность в произведениях, написанных им самим на латыни, свидетельствуют о богатстве и тонкости его филологического дарования.

Все это можно подвести и под другой общий знаменатель — Я. М. всюду и всегда выступает прежде всего как *человек вкуса*. Что касается неустанной, хотя и эпикурейски безмятежной деятельности Я. М., послужившей и продолжающей служить тому, чтобы поддерживать и сохранять нашу словесную культуру в ее разнообразных проявлениях, то в этом соединении *philologia triumphans* и *philologia militans* — общественное дело и не в последнюю очередь заслуга перед нашим городом, с которым он связан более 80 лет.

Пусть же так останется и впредь! Пусть продолжает быть наставником нашей литературно-ученой палестры, которую, я уверен, мы увидим в последующих выступлениях этого знаменательного дня! И пусть не станет Летой наша Нева:

Urbs tibi nam Petri culta est, longumque colenda
Deprecor ut maneat, sit licet umbra sui;
Dum datur, insignem decores velut ante palaestram,
Ne merito Lethae munera Neva ferat.¹⁸

Примечания

¹ Позже, в альманахе «Древний мир и мы» (Т. 1. СПб., 1997) библиография (с. 168–179), когда-то составленная автором при поддержке других учеников Я. М., была пополнена и проверена при содействии Т. М. Андроненко. В том же издании можно найти биографические материалы А. И. Зайцева и Н. М. Ботвинник о Я. М. Боровском (с. 155–176); в библиографии приведена предшествующая литература о нем (с. 179). Завершая этот обзор, сообщим, что в ближайшее время ожидается публикация «Избранных работ» Я. М. Боровского, подготовленная в Bibliotheca classica Petropolitana.

² По названной выше библиографии трудов Я. М. можно видеть объем выполненной им редакционной работы, когда она была публично признана издателями тех или иных трудов; случаев неофициального редактирования за долгий век Я. М. было, конечно, тоже немало.

³ Первое издание — *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов / Под ред. Я. М. Боровского. М., 1982. Теперь изданий Словаря уже пять (последнее — М., 1999), не считая пиратской перепечатки издательством «Терра — Terra» (М., 1997). Уже эти переиздания, неоднократно улучшаемые Я. М., показывают его отношение к работе вообще и к этому труду в частности. Пятая 4-го, сильно исправленного и дополненного издания (вышло только в 1999 г., когда за ним сразу последовало и 5-е изд.), пришла на первые дни после кончины Я. М., и нельзя не отметить, что человек двадцать из тех, кто работали тогда в совсем еще молодой классической гимназии (Петербургская школа № 610), отложив свои дела, дружно потрудились над тем, чтобы сделать любимое детище Я. М. возможно более совершенным в отношении исправности всего корпуса содержащихся в этом словаре текстов.

⁴ *Бабкин А. М., Шендеев В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов. 2-е изд. Т. 1–2. Л., 1981–1987.

⁵ *Лурье С. Я.* Демокрит: Тексты, перевод, исследование. Л., 1970.

⁶ *Гомер.* Илиада / Перев. Н. И. Гнедича; Изд. подг. А. И. Зайцев. Л., 1990.

⁷ Эта работа, в основном по вине пишущего эти строки, но и в связи с тем, что называется «трудностями переходного периода», оказалась непомерно затянута. В ближайшее время книга, хочется думать, будет сдана в печать.

⁸ Артемидору с его «Сонником» в переводе М. Л. Гаспарова, И. А. Левинской, В. С. Зилитинкевич, Э. Г. Юнца (сперва был опубликован в Приложениях к «Вестнику древней истории» за 1989–1991 гг.) довелось увидеть свет в издательстве «Кристалл» (М., 1999), где античный памятник на обложке назван «Онейрокритикой», а на титульном листе «Сонником»; хотя в предисловии сказано, что ответственным редактором был Я. М. Боровский, в выходных данных указано другое лицо.

⁹ Теперь об этом можно сказать: так было и до конца жизни Я. М. Как раз в последние годы жизни он не выпускал из рук тома «Литпамятников», соединившего творчество Эсхила и высоко ценимого Я. М. до конца его дней поэта-символиста (*Эсхил.* Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М., 1989). Я. М. проработал весь том и мечтал о переиздании в своей редакции. Поскольку этому не суждено было случиться, он сам же одобрил появление своих редакционных замечаний в виде отдельной статьи в названном выше томе альманаха «Древний мир и мы» (Т. 1. С. 214–220), вышедшем из печати уже после его смерти, в 1997 г.

¹⁰ *Мэтьюрин Ч. Р.* Мельмот Скиталец. Л., 1976.

¹¹ Ниже даются ссылки на издание: *Марк Аврелий.* Размышления. Л., 1985.

¹² Во втором издании «Размышлений» Марка Аврелия (СПб., 1993) значительная часть этих замечаний была так или иначе учтена.

¹³ Авторская воля, дивинационно определенная филологом, восстановлена во втором издании «Размышлений».

¹⁴ Здесь и ниже у автора, увлеченного в ту пору переводом прозиметрического Петрониева «Сатирикона», появляются вкрапления латинских стихов или того, что ему показалось таковыми. Утешение автор находит в соображении, что чем хуже стихи, тем более они похожи на то, что делал автор «Сатирикона», питавший, кажется, надежду, что публика найдет его стихи лучше, чем он сам. Конечно, это литературное безумие — ведь гораздо правдоподобнее обратное!

¹⁵ Ф. А. Гарц, по рассказу Я. М., скончался рано: спасая тонувшего ребенка, он сам умер на берегу от разрыва сердца.

¹⁶ Классический журнал «Greece and Rome» и новолатинский «Viva Latina» нередко помещали на своих страницах латинские стихи Я. М. Боровского.

¹⁷ Сборник, давно подготовленный учениками Я. М., поднесенный ему и им самим исправленный и пополненный, теперь готовится к изданию полностью в рамках собрания его важнейших трудов, издаваемого силами Bibliotheca classica Petropolitana, которой Я. М. завещал свое книжное собрание.

¹⁸ Добавлю, что *munera* в последнем стихе — мастерская поправка самого Я. М. к менее латинскому *potina*, что стояло у меня сперва.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из греческих и латинских стихотворений
Я. М. Боровского

На сорокапятилетие
научной деятельности С. А. Жебелева

Ἐτῶν τεσσαράκοντα πέντε κλεινῶν
δι' ὧν γράμμασιν ὦν φάος μέγιστον
πᾶσι τοῖς ἀγαθοῖς φέρεις μάθησιν,
πολλὴν ἀντίδοσιν δίκαιος ἦσθα,
ὣ διδάσκαλε, νῦν λαβεῖν παρ' ἡμῶν.
ἀλλ' οὐκ ἄξια σοῦ πορεῖν ἔνεστιν.
ἤττον δ' εἰ σθένομεν, τοσοῦτον ἴσθι
συγχαίροντας ὁμοῦ καὶ εὐσεβοῦντας
εὐχεσθαι περὶ σοῦ τὰ πάντ' ἄριστα.

1937

Дарственная надпись И. М. Тронскому

Illustres saturaeque fabulaeque
Indigno miserae situ iacentes,
Iam vos eruet horridis tenebris
Nec sinet veteri carere palma
Lector quo neque perspicaciorem
Nec doctum magis aut magis benignum
Umquam fata prius tulere vobis.
Illi cum bene gratias agetis
Nostra tum simul additote vota
Ut feliciter hunc diem revolvi
Per multos videat Iosephus annos.

28. V. 1952

In diem natalem Salomonis Luriae

«Divarum sapiens Pieridum chorus
Nos cessare vetat strenuus et simul
Plectrum desidiosum
Vati suscitatur Euhius.

Festus namque dies omnibus et bonis
Gratis laetitiae muneribus decens,
Natalis Salomonis
Quinquagesimus en reedit.

Felix o utinam post totidem vices
Currus aetherio tramite floreas,
Noster dulcis amice,
Alti viribus ingeni,
Ut Clius vigilis veridicus comes
Quicquid saecula tenent temporis abdit
Instaurans tuearis
Tristique elicias situ».

Sic olim cecini, nec renuentibus
Votum caelicolis occidit irritum.

Nam florere videmus
Illum semper opimius,

Semper mente novos concipere ambitus
Vano consilio fallere nesciae
Doctrinae speciosae
Semperque appetere ardua.

Et si lustra decem quattuor additis
Distinxere comam stamine candido,
Tanto candidiore
Ille splendet acumine.

Iam quae temporibus credita posteris
Minoa tenuis testa gerit nota
Arcana usque recludens
Vitae restituet suae.

Sic ipsi faveant nunc tibi numina,
Ut longo teneas praemia saeculo
Tanti magna laboris
Et nobis valeas bene.

1961

Aristidi Amico octogenario

Aonidum genetrix, fer opem precor alma benignam
Audenti veteres mente novare vices,
Donec Aristidae clari memorabilem amici
Extollam merita laude sonante diem.

Obruta barbarie cum causa antiqua iaceret
Resque academiacas turpe gravaret onus,
Ille inter primos accendit lumen ademptum
Auxiliumque tulit artibus ingenuis.
Macte animi bone Aristide, te iusta manebit
Gloria venturis plurima temporibus,
Litterulas quoniam Leninopolitana iuventus
Graecas Ausoniasque auspice te didicit.
At non stare diu Fortuna haec praemia sivit:
Sic fecunda seges grandine laesa cadit.
Quid nos dura aetas perpessi non sumus? Unde
Hostilis nobis non metuenda manus?
Vidimus horrifero concussum turbine mundum
Vix bene cardinibus sidere mole sua.
Vidimus heu foede civilia iura perempta —
Absint a verbis omina dira meis, —
Nec tamen adversis fracta est tua candida virtus
Rebus, et a damnis fortior usque redit.
Octoginta nunc actis feliciter annis
Sic valeas semper mente animoque virens,
Vt videas operumque tibi succrescere flores
Et iuvenum prolem carpere signa tui.